

Новая Польша 2/2008

0: МОЙ БАБИЙ ЯР

На фоне безумия мира депеша, казалось, не имела значения. То, что - как сообщало агентство - “Евгений Евтушенко читал в иерусалимском „Яд-Вашеме” свое стихотворение „Бабий Яр””, явно мало кого интересовало. Другое дело - мой личный счетчик Гейгера. Он сразу дрогнул. Для меня это было событие.

Прежде всего - кто есть кто. Молодые поляки, а таких большинство, Евтушенко, скорее всего, не знают, “Бабьего Яра” наверняка не читали. Да и где они могли бы его прочитать? Евтушенко, бывшему enfant terrible советской поэзии, 74 года, он доступен на 74 языках, но все это дела давно минувших дней.

“Бабий Яр”, самое известное его стихотворение, - это потрясающий реквием, посвященный кровавой бойне в балке под Киевом, где гитлеровцы и местные наемники в сентябре 1941 года, в праздник Йом-Кипур, убили 35 тысяч украинских евреев (потом - гораздо больше). А “Яд-Вашем”, как известно, - институт в Иерусалиме, хранитель памяти о Катастрофе.

Так случилось, что “Бабий Яр” сразу, с момента первой публикации, вошел в мою биографию - и остался в ней. Эпизоды, как в кинофильме, логически дополняют друг друга, у каждого свое место на фоне “Яра”.

Когда в 1961 г. московская “Литературная газета” опубликовала стихи, в Варшаве это вызвало шок. Мы, специалисты по дешифровке советского языка, сразу поняли сигнал: это не только стихи, но и признак оттепели: впервые в Москве кто-то с такой силой напомнил о евреях, гибель которых прежде скромно камуфлировалась словосочетанием “граждане СССР”.

Так началась моя жизнь с “Яром”. Годом позже Евтушенко и его стихотворение - у меня в Гаване. Сюрреалистическая сцена: советский поэт за бутылкой польской водки в кубинских тропиках читает стихи о судьбе евреев из-под Киева и о русской памяти. Возвращение с Кубы в Варшаву, постепенно сжимаемую в смрадных объятьях Мочара